

«Мы плакали от счастья»

В большом зале Культурно-досугового центра «Московский» для жителей блокадного Ленинграда, ветеранов войны и труда состоялся концерт в честь 66-й годовщины полного освобождения города от блокады.

Задолго до начала концерта в холле Центра уже звучали торжественные марши и песни военных лет. Под их звуки вальсировали пары. На груди многих — ордена и медали. Люди оживлены. Несмотря на суровый мороз, их пришло много. Здесь я знаколюсь с супружеской четой Хандрос — жителями Московского района. В этом году Татьяна Матвеевна и Анатолий Петрович отметят 50-летний юбилей совместной жизни. Однако семья — это не единственное, что их роднит. У обоих общее блокадное детство, общие теперь уже и воспоминания о нем. До начала концерта еще есть время, и мы присаживаемся поговорить.

— Я родилась в большой семье в Ленинграде, — начинает рассказ Татьяна Матвеевна Хандрос. — Когда началась война, мы, дети, отдыхали в Сиверской. За нами приехала тетя, но на обратном пути немцы разбомбили железную дорогу и, помню, нам пришлось добираться до Ленинграда пешком. Еще помню, как наша семья провожала братьев на фронт. Они вернулись живыми. Наверное, помогло то, что наша бабушка зашила им в гимнастерки иконки. Взрослые боялись отправлять нас в эвакуацию, пока не

Мария Павловна ФОМИНА: — Я жила и ждала, когда мама придет и что-ни- мы не ходили, просто спускались вниз

лись живыми. Наверное, помогло то, что наша бабушка зашила им в гимнастерки иконки. Взрослые боялись отправлять нас в эвакуацию, пока не пришла милиция с предупреждением. Тогда, чтобы мы не замерзли в пути, бабушка сшила нам ватные брюки, тулупы и шапки. Но тут Ладогу стали бомбить, и дети, которые не успели уехать, остались в Ленинграде. Конечно, никаких запасов у нас не было, ведь никто не думал жить под блокадой. Наш дядя Ваня, врач, который воевал на Пулковских высотах, периодически приезжал в город и подкармливал нас. Но потом начался ужас голода. Я помню эти 125 граммов, то, как мы собирали крошки и голодные сидели у буржуйки. Матери у меня не было, а отец был на фронте. Нас четверо детей было у бабушки, помню, как она ходила на Фонтанку за водой. В эту зиму умер наш дедушка. И Анатолий бы умер (Татьяна Матвеевна показывает на мужа), но его мать спасла. Он уже опух от голода, и тогда мать пошла на хитрость. Она привязала его к саночкам и привезла к детской больнице. Подбросила. А сама отошла и наблюдала: подберут или нет. Надеялась, что подберут. Его забрали и подлечили.

— С 43-го года, — вступает в разговор Анатолий Петрович, — я только на кладбище и жил. Мы, мальчишки, лепешки из нее. Чтобы выжить, ходили по госпиталям с детской самостоятельностью. Я стихи рассказывал. Нас нахормят, мы довольны. Весной и летом 43-го стало полегче. Когда прорвали блокаду, люди плакали от счастья. Помню, остановился трамвай, все друга обнимают. А когда война закончилась, что было!!!

Мы проходим в зал. Все места уже заняты, и я, глядя на людей, думаю, что у каждого из них в памяти и в сердце тоже своя история блокадного детства.

Мария Павловна ФОМИНА: — Я житель блокадного Ленинграда. Когда началась блокада, мне было шесть лет. Мы жили на Садовой. Когда говорят «блокада», у меня сразу возникает образ: темнота и лучи прожекторов.

Нина Павловна МИХАЙЛОВА: — Я прожила всю блокаду ребенком в Ленинграде. В начале войны мне было шесть лет. Отец был на фронте, пропал без вести. Мама была с нами, а нас было трое. Она работала в промкомбинате Московского района, подшивала валенки для фронта. Самый младший брат в 42-м году умер. Это никогда не забудется, пока живы. То, как мы сиде-

ли и ждали, когда мама придет и что-нибудь принесет. Мы с братом ходили на площадку от 301-й школы. Туда собирали всех детей на день. Мы жили на Лиговском проспекте. В школу пошла в 43-м году. Когда произошел прорыв блокады, нас учительница поздравила, всем бантики завязала. У нас такая хорошая учительница была. Она в 43-м году была уже в возрасте, но старалась все для нас делать, носилась с нами, как с цыплятами. Жить было страшно. Мы приходили домой, и оказывалось, что в доме выбиты стекла и рамы. Были постоянные обстрелы. Но что делать? Мама говорила: «Если судьба умереть, то умрем», а в убежище

мы не ходили, просто спускались вниз к соседям.

Евгения Николаевна МИХАЙЛОВА: — У меня муж был блокадником, и вся его семья — тоже блокадники. Вот это здание (КДЦ), например, строил мой свекор после войны. Я попала в семью блокадников. Сейчас все они умерли. Свекровь — Татьяна Григорьевна Михайлова была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Она работала в воинской части, которая возле райсовета была. Солдаты привозили обмундирование из Пулково, они его стирали, штопали и отправляли обратно на фронт.

На заднике сцены узнаваемые очертания любимого города и изображение медали «За оборону Ленинграда». Звучат фанфары, и на просцениум выходят ведущие; они приветствуют гостей, и зал отвечает им аплодисментами. Поздравить ветеранов пришли и глава района Владимир Коровин, и депутат ЗакСа Ватаняр Ягья. Каждый из них находит свои теплые слова поздравления.

А потом начинается концерт, составленный из любимых песен их грампластинок. Зрители одинаково тепло принимают выступление квартета «Формат FM» и коллектива из подростково-молодежного клуба «Романтики» с композицией «А зори здесь тихие», ансамбль «Филармония» и хореографический коллектив «Фантазеры» с зажигательным белорусским танцем «Лявониха». И, конечно, фольк-группу «Трын-трава». «Разогретые» зрители поют и танцуют вместе с артистами. А когда в завершение концерта один из артистов голосом, похожим на дикторский, произносит: «Дорогие товарищи! Поздравляем вас с полным снятием блокады Ленинграда! Ура!», зал взрывается оглушительным ответным: «Ура!»

● Светлана ЗАДУЛИНА

Татьяна Матвеевна
и Анатолий Петрович Хандрос